

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Принцип дополнительности получил широкое признание в методологии не только естественных, но и гуманитарных наук. Как устройства приборов, так и установки наблюдателя, с его оптикой, языком и ментальными установками, определяют наблюдение, описание и объяснение природы. Если в современном естествознании в основном учитывается относительность к средствам наблюдения и описания, то в социально-гуманитарном познании главной темой является согласование фактов и ценностей. Каждое общество, любая культура отличаются кодами и нормами поведения, которые не всегда оказываются соизмеримыми. Исследователь также нагружен соответствующими кодами и оценивает артефакты с позиций своей культуры. В какой-то мере эта проблема поднималась в ходе борьбы с европоцентризмом, однако, не получила удовлетворительного в методологическом отношении решения.

Принцип дополнительности в естественных и гуманитарных науках применяется по-разному. В физике речь идет об объектах, которые лишены ментальности и подчиняются естественным законам. Они наблюдаются разными приборами и описываются разными теоретическими языками. Поэтому речь идет о подсоединении различных языков описания и объяснения. В гуманитарных науках имеют дело с такими объектами, которые сами были субъектами или результатами их деятельности. Их логика подчинена не только фактам и законам природы, но и ценностям. Но факты и ценности не однопорядковы, они относятся к разным сферам бытия. Попытка мыслить соотношение этики и опыта, морали и науки, материального и идеального и подсоединить их по принципу дополнительности наталкивается на их принципиальное отличие, из-за которого они как раз несоизмеримы и не соединимы. В итоге можно сделать вывод, что на основе боровского принципа сложились две методологические программы дополнительности. Первая работает с разными средствами наблюдения и описания одинаковой предметной области. Вторая имеет дело с подсоединением различных сфер существования, а не только различных средств наблюдения и языков описания. Дуализм материального и духовного – старая проблема психологии и философии. Хотя были и есть сторонники монизма, в силу отсутствия общих свойств материи и сознания, преобладает дуалистическая позиция. В последнее время в когнитивных науках и постаналитической философии сознания также обострился интерес к принципу дополнительности. Открытия нейрофизиологии не только не сняли, но, наоборот, обострили психофизическую проблему. Идеальное конечно, существует, но это не то же, что реальное существование. При этом оно не сводится к субъективной реальности. Сознание трансцендентально, т.е. выходит за пределы телесного и психического опыта индивида. Поэтому приходится различать два уровня сознания – психологический и феноменологический. Первый включает казуальные отношения, а второй – опыт переживания. Например, удар вызывает определенную те-

лесную реакцию и сопровождается переживанием болезненного ощущения. Если решает мозг, то зачем допускать сознание как некую внутреннюю сторону внешних взаимодействий? Однако не только философы, но и нейробиологи настаивают на автономности сознания, которое не сводится к реакции на стимул, а самостоятельно осуществляет символические и когнитивные акты, определяющие принятие решений.

Обычно высказывания о ценностях отделяют от высказываний о фактах. Первые предполагают признание, вторые действуют независимо от него. Поэтому кажется, что ценности субъективны и не могут быть основой науки. На самом деле это не так. Поступки человека могут определяться как материальными причинами, например, голодом, так и ценностными установками. В науках о культуре учитываются ценности, на основе которых исторические деятели принимали те или иные решения. Вопрос в том, означает ли такая отнесенность к ценностям допустимость их оценки, т.е. можно ли применять к ним современные моральные или иные критерии? То, что люди действуют исходя из ценностей, можно расценивать как факт. Ценности, конечно, не универсальны, но и не индивидуальны, они формируются внутри сообщества и выступают как нормы и коды поведения. Поэтому историк, например, должен учитывать их роль в человеческой деятельности. Но может ли он оценивать ценности изучаемого общества критериями, принятыми в современном обществе. Не превратится ли исследование в суд над историей? Эта проблема возникает и перед экспертами, рецензентами и оппонентами, которые обязаны оценить то или иное исследование. Как быть, если установки исследователя и эксперта отличаются, и как писать отзыв на научную работу? Можно ли для ответа на этот вопрос использовать аналогию дополнительности приборов и описаний, фиксирующих различные аспекты реальности. Нет единого универсального и, тем более, абсолютного знания, есть разные дисциплины, каждая из которых применяется в своей предметной области. Но годится ли такое понимание для согласования и подсоединения различных систем ценностей? Очевидно, что «дополнительность» ценностей и оценок принципиально отличается от принципа Бора.